

84(2=411.2)6-5(06л)

К 64

А-372497-КР

НАДЕЖДА
КОНДАКОВА

ЮМ

КНИГА
ЛЮБВИ

84(2=441.2)6-5(08л)
К 64

84(2=441.2)6-5(08л)
+ Др 83.37
+ Др 84.5

Надежда Кондакова

КНИГА ЛЮБВИ

СТИХИ

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

а-372494

48

ДАЛЬНОЗОРКАЯ ПАМЯТЬ

Зачем пишутся предисловия к книгам, составленным по типу «Избранное», мне кажется, я знаю. Любимый мною Шопенгауер считал, что первые сорок лет жизни человека – это текст, а последующие – тридцать – комментарий к нему, поясняющий нам смысл и связь текста. Гении, подобно Пушкину, не дожившие до сорока, оставили нам свой «текст» (включающий столь короткую жизнь), и вот уже два века мы разгадываем его тайну, комментируем, каждый на свой лад, ничуть не приближаясь к тому, что было бы, доживи Александр Сергеевич до своих семидесяти лет. Лев Толстой, напротив, свой «текст» продолжил своим же «долгим комментарием», включая, трагически известный предсмертный побег из Ясной Поляны. И нам остается только внимательно и беспристрастно изучать предложенное, без всяких там «если бы» да «кабы».

Ничуть не примериваясь к гениям, я хочу сказать, что универсальная форма «40+30» применима

к любому человеку, прожившему на земле отмеренный философом срок. И особенную роль во второй половине жизни играет наша память, со временем обретающая свойство очевидной дальнозоркости. Воспоминания становятся тем отчетливее, чем дальше они простираются в глубину времени.

Человеческая память, конечно, источник ненадежный. И вместе с тем – в пору «комментариев» она – едва ли не главная часть нас самих, от первых сохранившихся впечатлений бытия до гробовой доски, при том, что для пишущего человека память – еще и непостижимой глубины криница, способная питать воображение и поить живой водой случайных и разрозненных воспоминаний всю его сознательную жизнь. Структурно память похожа на русскую матрешку, с неограниченным количеством увеличений и уменьшений сущностного: откроешь одну – а там следующая требует ответа; потянешь за первую ниточку – она незаметно вытягивает и другую. И так до бесконечности.

Я родилась в Оренбурге, прожила здесь первые семнадцать лет и достаточно хорошо помню город своего безмятежного детства и пылкой, мятежной юности. Сколько раз за жизнь с закрытыми глазами, бестелесно и незримо проходила я по его улицам, спускалась к Беловке, ехала на троллейбусе в сторону вокзала, шла пешком в Форштадт, застроенный в те поры одноэтажными домишками, то совсем убогими саманными, то вполне зажиточными – из кругляка, обшитого тесом...

В том месте, куда меня привезли из роддома в январе 1949 года, тоже царил «частный сектор». Мне было меньше двух лет, когда родители купили небольшой дом в три окна на Мало-Орловской, 29 (позже улицу переименовали, и адрес наш стал другим – Степана Разина, 175).

С рождением младшей сестрочки отец решил удвоить площадь строения, присоединив к имевшимся трем еще две комнаты – прихожую и небольшую кухню. Отчетливо помню чистый, странно волнующий запах нового сруба, свежеструганных досок – настиленных, но еще не покрашенных полов. Запахи детства, как правило, сильны и настойчивы. Так никогда не выветрился из памяти дух растущей во дворе черной смородины, особенно острый после короткого летнего дождя... Помню, как пахло льющееся в бидон парное молоко, покупаемое у соседей – аккуратной татарской семьи, ухитрявшейся в те непростые времена держать в городе корову. Через дом от нас и тоже со своими запахами (лошадиных сбруй, сена, навоза) находился «постоялый двор», своего рода частная гостиница, где останавливались на ночь-другую крестьяне из окрестных сел – приют и еда предоставлялись не только седокам, но и лошадам. А еще (в это уж совсем трудно поверить!) на нашей улице изредка появлялись верблюды. Ловкие погонщики останавливали их возле уличной колонки, чтобы напоить, доставали оцинкованное ведро из перекинутого через горб мешка и заодно отгоня-

ли настырных малышей, весело дразнивших этих величественных, по-своему грациозных животных; иногда те и сами царственно отвечали нам густым смачным плевком. Одним словом, детство мое прошло в патриархальном мире типичного областного города тех времен, вполне русского, но и азиатские черты в его лице угадывались. При этом дом наш находился в трех автобусных остановках от центра, сохранявшего в себе дореволюционную основательность и архитектурное изящество бывшего губернского города – с драматическим театром, историко-краеведческим музеем (основанным еще при жизни Пушкина!), корпусами Неплюевского кадетского корпуса (где преподавал словесность поэт Аполлон Григорьев). Из полусотни храмов в годы разора, к сожалению, уцелело немного, в частности, Никольская казачья церковь (где меня и крестили во младенчестве). Город украшали добротные особняки, дворянские и купеческие, ухоженный городской парк «Тополя», несколько скверов и реликтовая Зауральная роща. В рощу вел деревянный мост через Урал, в те поры еще отчасти судоходный; перед морозами мост каждый раз разбирался, а по весне, после ледохода, восстанавливался заново. С высокого берега, на котором вырос город, на мост можно было попасть, спускаясь по величественной белокаменной лестнице в несколько пролетов, построенной в начале 50-х гг. в стиле «сталинского» классицизма.

Сколько чудесных воспоминаний связано с этим местом, с летними купаниями, с детской железной дорогой, с лыжными прогулками и школьными прогулами, с первыми влюбленностями и свиданиями, первыми поцелуями – что-то даже и в стихи попало...

И разве возможно вынуть из памяти степь, впервые открывшуюся мне тоже в отрочестве?! Раза два-три за лето родители брали нас на бахчи – на посадку, прополку или сбор урожая. Сердце всякий раз обмирало в кабине грузовика, медленно сползавшего по крутому оврагу вниз и так же осторожно, тяжело поднимавшегося вверх. Но какие же неизмеримые глазом пространства открывались наверху, какие разноцветья и разнотравья врывались в душу, отпечатываясь и оставаясь там навсегда! Мне выпало в жизни много путешествовать, видеть разные страны. Ничего равного нашей степи по ощущению величия и первозданной красоты этого мира я не знаю.

А появилась на белый свет я, как и большинство моих земляков, в добротном двухэтажном здании на улице 8 Марта, одном из четырех старейших родильных домов страны – в минувшем году ему исполнилось 110 лет. В недавний приезд на родину я долго стояла напротив красивого краснокирпичного особняка, словно пыталась угадать, за каким из окон находилась палата, куда меня впервые принесли на кормление счастливой роженице – моей двадцатишестилетней маме.

Отца и мать не выбирают, но если бы, предположим, мне довелось выбирать, то из бесчисленного числа людей, встреченных в жизни, я выбрала бы именно этих двоих, Василия и Марию, столь различных между собой, но по невероятному стечению обстоятельств ставших нам с сестрой родителями. Со всей сегодняшней дальнозоркостью вижу, что все лучшее нам досталось от них, от их безупречно честной жизни, человеческой порядочности, трудолюбия и нестяжательства. Внутренний свет их бесконечной, безграничной любви к нам, и в последующем – к нашим детям – из сегодняшнего далека видится мне Божественным. Хотя сказать, что они были людьми воцерковленными, я не могу. Иное дело – бабушка Александра, прожившая до 94 лет. Рядом с нею, по сути, и прошло все наше детство. Ее отрывочные, но живые рассказы о «старой жизни», о времени «до переворота» казались загадочными, а глубокая религиозность вызывала не насмешку, а скорее удивление. Не помню, чтобы бабушка села за стол или встала из-за него без молитвы. И навсегда врезалось в память, как изредка с дальнего хутора приезжала к нам погостить ее родная сестра, судя по обрывочным разговорам взрослых, тайно монашествующая по гибели любимого супруга. Вдвоем они закрывались в дальней комнате и подолгу молились, а потом выходили к нам – ясные, просветленные и как будто даже веселые. И все никак не могли наговориться друг с другом. Дорого дала бы я сейчас

за то, чтобы хоть краешком уха услышать те разговоры. Мне кажется, что реального быта и повседневности в них было мало. Они жили в эти часы своим невозвратным прошлым, очевидно счастливым и благодатным.

«Если бы не война...» – эти слова в разных обстоятельствах я часто слышала в детстве, которое совсем не осознавалось в ту пору как «тяжелое, послевоенное». Мы жили, как и многие в те годы, бедно, но это была та особенная, чистая бедность, которая не ощущается унижительной: в доме не было ни пылинки, на окнах висели белоснежные тюлевые шторы, спали мы на подкрашенных «синькой», накрахмаленных и выглаженных простынях. Мама изо всех сил старалась, чтобы у детей «все было» – и еда, и фрукты «с базара», и одежда, и немудреные игрушки тех лет, книжки – о, да, книжки в первую очередь!

И все же, «если бы не война», нас с сестрой на свете точно не было бы. Мамин жених, ее первая девчачья любовь (о которой она вспоминала всю жизнь) погиб на фронте то ли в 42-м то ли в 43-м году. После войны уже в Оренбурге она встретила отца, холостяка 35 лет, одиннадцатью годами старше ее, но со схожей судьбой. Большие крестьянские семьи отца и мамы были раскулачены сразу, как только начался этот массовый психоз уничтожения русского крестьянства. Спустя несколько лет обоих дедов репрессировали и отправили в лагерь, откуда им не суждено было вернуться. Впервые

в жизни я увидела русское село лет в двадцать, уже студенткой. В детстве, сколько мы ни упрашивали «показать нам деревню», отказ мамы всегда был решительным и твердым. Теперь-то я понимаю, чего боялись наши бедные родители. Советская власть катком проехала по их семьям, разрушив не только крестьянский быт и семейный уклад, но и судьбы детей, рожденных до революции – как наш отец, и вскоре после нее – как мама. Был очевидный страх, что и в нашей судьбе это история может аукнуться.

Сегодня я часто слышу от соотечественников – мол, не у всех же раскулаченных было так плохо, многие «лишенцы» получили образование, стали заметными личностями в стране. Действительно, и так было. Но у нас случилось иначе, и переписывать свою историю или довольствоваться сакраментальным «лес рубят – щепки летят» я не могу. Скорее скажу: нарубили дров – в столетие не разобратся.

Я заканчивала десятый класс, когда впервые состоялся наш с отцом большой разговор о прошлом. Не помню его в точности, но ощущение ошеломленности от услышанного в тот день сохранилось навсегда. И залегла в сердце эта семейная тайна, невозможность поделиться которой в те годы казалась мучительной. Именно тогда поселились в душе смутные ощущения необходимости правды, поиска ее, как в историческом плане, так и в личном. Но об этом чуть позже.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66